

A man in a dark suit and tie stands in the center of a grand, ornate hallway. The hallway features high ceilings with intricate architectural details, including arched doorways and a large chandelier hanging from the ceiling. The walls are lined with tall, dark wooden bookshelves filled with books. The floor is covered with a patterned rug. The man has a serious expression and his hands are in his pockets.

АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВА

Под
КУПОЛОМ
ВЛАСТИ

Анастасия Васильева

Под куполом власти

«Автор»

2026

Васильева А.

Под куполом власти / А. Васильева — «Автор», 2026

В столице больших амбиций у каждого есть скелеты в шкафу. Уважаемый чиновник Коннон Брукс — тиран дома и харизматичный лидер на публике. Его идеальный мир начинает рушиться, когда будущий директор ФБР Джозеф Гилл объявляет ему негласную войну. В битве двух самых влиятельных людей Вашингтона нет правил, а единственным призом в этой схватке станет свобода Джены Брукс. Устоит ли купол власти, когда его фундамент подточен предательством и запретной страстью?

© Васильева А., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Васильева

Под куполом власти

Глава 1

Вашингтон, округ Колумбия. 1915-й год.

В сердце американской столицы, на тихой, утопающей в зелени улице, возвышался дом Коннона Брукса – величественный особняк в стиле барокко. Фасад, выкрашенный в нежно-кремовый цвет, был украшен изящными лепными деталями, среди которых выделялись фигуры ангелов, символизирующих небесную защиту и богатство хозяина. Окна, отделанные красным деревом, словно глаза, глядели на мир с гордостью и невозмутимостью. Зеленый газон перед домом был идеально подстрижен, и на нем гордо распускались розы и лилии, отражая величие и богатство жилища.

Бруксу было 56 лет, он сохранял опрятную внешность и энергичный вид. Его седые волосы были аккуратно зачесаны назад, обрамляя строгое, но выразительное лицо. Серые глаза с резким и пронизательным взглядом прятались за очками в черной оправе, придавая ему ученый и интеллектуальный вид. Высокий рост и стройная фигура делали его выделяющимся в любой компании.

Путь Брукса к власти был не простым. Ему пришлось идти по острому лезвию интриг и политических игр, не грезя ни перед какими средствами. Он с хитростью и наглостью пробирался к своей цели, оставляя за собой следы обиды и разочарования. Но теперь он занимал высокий пост, был знаком с многими влиятельными личностями в политике и бизнесе, и в его руках было много власти.

Со стороны Коннон Брукс производил впечатление человека приятного, интеллигентного, обладающего остроумием и определенным шармом. Он умел вежливо и грациозно вести разговоры, его слова звучали убедительно, а манеры были безупречны. Он знал себе цену и не стеснялся демонстрировать свое превосходство, но делал это с такой изящной уверенностью, что никто не мог подозревать его в наглости или высокомерии. Его улыбка была широкой и дружелюбной, глаза искрились добротой и интеллектом, и он с легкостью завоевывал любовь и уважение тех, кто его окружал.

Но эта маска, эта грациозная и приятная внешность скрывала ужасающую правду. Под поверхностью добродушия и интеллекта таилась бездна жестокости и тирании. Брукс был человеком двойной морали, и та сторона его натуры, которая являлась отцом для его семьи, была совершенно отлична от того, что он показывал миру. Дома он был деспотом, угнетал своих близких, оскорблял и наказывал, не учитывая их чувств и желаний. Его слова становились жестокими упреками, взгляд – ледяным и угрожающим, а улыбка – презрительной и издевательской. И этот контраст между его публичным образом и истинным лицом делал его еще более ужасным и непредсказуемым.

Весеннее утро разлилось по Вашингтону теплым, нежным светом. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь изящные ставни, танцевали на полу, оживляя комнату. За окном щебетали птицы, создавая мелодию радостной жизни.

Джена, средняя дочь Брукса, стояла около окна, словно в какой-то нежной мечте. Ей было 23 года, и ее красота удивительно сочетала в себе нежность и силу. Тонкие черты лица, как будто вылепленные из фарфора, отражали истинную красоту ее души. Большие глаза с нежной голубизной с блеском невинности и глубиной мудрости завораживали и притягивали к себе. Каштановые кудри плавно спускались на плечи, как шелковый водопад. Нежное розовое платье с кружевом подчеркивало её женственность и утонченность. Она выглядела словно цветок, распустившийся в этом темном царстве.

Джена смотрела на их личный сад, где в уютных клумбах уже распустились первые цветы. Белые лилии, словно чистые души, стремились к небу, а нежно-алые розы распускали свои очаровательные лепестки. Но в сердце Джены была не радость и не умиление. Вместо этого – глубокая печаль и тоска. Ей хотелось быть свободной, бежать от домашних стен, которые стали для неё не убежищем, а клеткой. Жестокость и угнетение отца зачастую оставляли на её теле шрамы, напоминая ей о том, что скрывается под маской доброты и интеллигентности этого человека.

Неожиданно в комнате раздался тихий стук. Джена вздрогнула. Ее сердце забилося быстрее, и она неосознанно прижала руки к груди. Она не хотела знать, кто там, за дверью, и ее ужас растил в ней желание спрятаться от мира в этой небольшой комнате.

Но через несколько секунд дверь открылась, и в комнату заглянул её брат, Чарльз. Ему было всего 18 лет, и он еще не успел найти свой путь в жизни. Высокий и худой, в его лице было что-то нежное и трогательное. Светлые волосы падали на лоб небрежными кудрями, а голубые глаза, с загадочным оттенком невинности и глубины, глядели на неё с тревожным интересом.

– Джена! – произнес он тихо, – почему ты не спускаешься на завтрак? – спросил он, не отрывая от неё взгляда.

– Мама уже там? – ответила Джена вопросом на вопрос.

– Да! – спешно ответил Чарльз, как будто стремясь избежать неловкого молчания.

– А отец? – спросила Джена, и в ее глазах загорелся невидимый огонёк. Это был огонёк ненависти, огонёк страха и разочарования. Ей было ненавистно даже просто упоминать о нём.

– Ещё нет, но он должен уже скоро спуститься! – ответил Чарльз. В его голосе прозвучала явная тревога. Он чувл эту невидимую стену между ними, эту опасность, которая висела в воздухе, как туча перед бурей.

Собрав все свои силы, Джена спустилась вниз. Ее шаги были медленными и тяжелыми, словно она несла на себе невидимый груз ожидания. Она чувствовала тяжесть на душе.

В центре огромной столовой стоял длинный стол, покрытый белоснежной скатертью. Прислуга, одетая в черные форменные костюмы, ловко размещала на нем тарелки с изысканными блюдами. Воздух наполнился ароматом свежеприготовленных блюд, но Джена не чувствовала голода.

Напротив неё, как и всегда, сидела её мать, Хелен. Её лицо, когда-то бывшее красивым и изящным, теперь было потухшим и изможденным. Годы, прожитые в страхе и под гнетом мужа, оставили на ней неизгладимый след. Её глаза, когда-то яркие и искрящиеся, теперь были тусклыми и печальными, как у забытого цветка. Ее волосы были седыми, и в них не было ни одного оттенка былого блеска. Она сидела за столом, словно призрак, в своих черных платьях, и ее присутствие было не утешительным, а скорее похожим на напоминание о несчастье.

И вот, в столовой появился он, сам Брукс. Его фигура была высокой и стройной, но в ней было что-то нехорошее, что-то зловещее. Он шел к столу медленно и уверенно, и его присутствие несло в себе атмосферу угрозы. Джена заметно напряглась, когда увидела его, но она старалась не выдавать своих чувств.

Брукс коснулся плеча Хелен. Она вздрогнула от этого прикосновения, словно от удара тока. Ее тело дрожало от страха, и она не могла даже поднять голову, чтобы взглянуть на него. Брукс увидел её испуг и усмехнулся. В этой улыбке не было ни капли тепла и доброты, только презрение и садизм. Он знал, что она боится его, и это ему нравилось. Он любил видеть страх в ее глазах.

Брукс уселся на свое место за столом, словно на трон, и с холодным спокойствием положил себе на колени белоснежную салфетку. Одним движением руки он отодвинул от себя тарелку с изысканным завтраком и налил в свой хрустальный стакан свежавыжатый сок. Он делал это не спеша, наслаждаясь собственным великолепием.

– Чего такие напряжённые сидите? – разрезал его голос эту гробовую тишину, – боитесь кого-то? – эти слова он произнёс с наслаждением, так как знал, что они боятся только его.

– Нет, что ты! – через силу улыбнулась Хелен, пытаясь успокоить его и саму себя. Её улыбка была не искренней, а скорее вымученной и запуганной. Она понимала, что никакие слова не смогут успокоить его ярость, но она пыталась хотя бы временно отсрочить неизбежное, – всё в порядке! – добавила она.

– В порядке? – его голос тут же стал грозным, – вы свои лица видели? – спросил он, окидывая их холодным взглядом, – я хочу, чтобы вы улыбались!

Брукс перевёл внимание на Джону. Он заметил, что она ничего не ест.

– Ешь! – приказал он, кивнув головой. В его голосе не было ни капли доброты, только власть и требование.

– Я не голодна! – решительно ответила Джона, но так и не осмелилась взглянуть ему в глаза. Она знала, что её ответ только усугубит ситуацию, но она не могла подчиниться ему в этом.

– Я сказал ешь! – повторил он, – и не злите меня! У меня сегодня с утра хорошее настроение, и я хочу, чтобы так продолжалось весь оставшийся день. Кстати! – Брукс снова посмотрел на дочь, словно охотник, наблюдающий за своей добычей, – на днях должен заехать Фрэнк! Он желает видеть тебя, Джона!

– Меня? – смутилась она, её голос дрожал от страха и отвращения, – зачем?

– Что за глупые вопросы? – с довольной ухмылкой спросил Брукс, его глаза сверкали злорадством, – вероятно, ты ему приглянулась!

– В самом деле? – спросила Джона без каких-либо эмоций, как будто её слова были просто пустыми звуками. Она знала, что он не заботится о её чувствах, и её бессилие перед ним её убивало, – а как по мне, ты просто хочешь выгодно отдать меня замуж, лишь просто потому, что Фрэнк связан с Палатой представителей!

– Даже если это и так, то что? – он чуть наклонился к дочери и просверлил её своими холодными глазами.

– Я не хочу за него замуж! – ответила Джона, её голос с каждым словом становился крепче и увереннее.

– Кто тебя спросит? – холодно ответил Брукс. Он понимал, что она не согласна с его планами, и это его раздражало.

– Папа! – в этот момент Джона вспомнила о своей силе. Она не должна была позволять ему себя унижать. И в тот же миг Брукс с резкостью схватил Джону за запястье. Его хватка была крепкой. На её нежной коже мгновенно появился синяк, яркий и болезненный, словно отпечаток его жестокости.

– Не зли меня, бунтарка! – почти что шёпотом проговорил он, его голос был холодным и угрожающим.

Чарльз в это время поднял свои ошеломленные глаза и сжал руки в кулаки от злости. Он видел страх в глазах своей сестры и чувствовал бессилие перед жестокостью своего отца. Ему хотелось защитить ее, но он не знал, как это сделать.

– Вы все, – Брукс осмотрел своих семейных, – вы все будете делать так, как я говорю, ясно? Я не терплю противоречий и наглости! – его голос пронзал пространство, заставляя каждого вздрогнуть и принять его диктат. Он не терпел ни малейших проявлений неповиновения или дерзости, и его взгляд, словно ледяной клинок, пронзал сердца, – и напоминаю вам о том, что послезавтра мы идём с вами на светское мероприятие, посвящённое назначению моего старого друга на должность представителя округа Колумбия! Сделайте так, чтобы мне не было за вас стыдно! Каждая ваша ошибка будет дорого стоить! – он наигранно улыбнулся и привстал из-за стола. Его наигранная улыбка казалась холодной и беспощадной, словно ледяной покров, скрывающий безжалостное владычество, – и да! Передайте Эдварду, что не приходится

на семейные завтраки – это неприлично! Даже учитывая тот факт, что он теперь тоже государственный деятель! Пусть помнит, кто помог ему занять эту должность и каким образом! – после этого Брукс направился в сторону лестницы.

Джена провожала его взглядом, наполненным ненавистью и отчаянием, словно она видела перед собой не отца, а тиранического монстра. В то время как ее мать склонила голову, словно увядающая роза, уже лишенная жизни и света.

Чарльз, не выдержав зрелища отцовской жестокости, привстал из-за стола. Он чувствовал себя бессильным и беспомощным, но хотел хотя бы как-то успокоить ситуацию.

Он подошел к матери и коснулся её руки, словно пытался удержать её в этой буре негативных эмоций. Но Хелен с резкостью убрала его руку, словно от ожога. Ее лицо было бледным, а глаза – пустыми и невыразительными. Она не смотрела на него, как будто он был не ее сыном, а чужим человеком.

– Мама! – с испугом проговорил Чарльз. Он не понимал, почему она так холодно относится к нему.

– Уйди, Чарльз! – даже не посмотрев на него, с неприязнью проговорила Хелен, и сама привстала из-за стола. Она не могла выносить его присутствие, как будто он был источником её мучений. Чарльз был единственным ребёнком, кого Хелен не принимала с самого его рождения. И причины этого никто не знал. Знала и понимала только Джена, но сказать о причинах такого поведения матери она брату просто не могла. Не могла, потому что не хотела ранить сердце ещё юного Чарльза. Ей было жаль его, но она не могла ему объяснить, почему их мать так к нему относится. Это было слишком тяжело для нее, и она не хотела ему навредить.

После обеда Чарльз захотел навестить сестру. Ему хотелось увидеть её лицо, услышать её голос, хотя бы на минуту забыть о жестокости их отца и холодности матери.

Он подошел к ее комнате и постучал, но дверь осталась закрытой. Он попробовал открыть дверь, но понял, что она закрылась изнутри. Джена поступала так очень редко, и лишь в тех случаях, когда ей было ужасно плохо. Он чувствовал тяжесть в сердце.

– Не откроешь? – тихо спросил Чарльз, но ответа так и не последовало. Он присел возле двери и тяжело вздохнул. Он не хотел её пугать, но и не мог оставить одну, – давай тогда поговорим так! – он чувствовал, что Джена сидит рядом, за дверью, – знаешь, что больше всего меня пугает? Раньше я думал, что самое страшное – это смерть! Но нет! Даже гнев и жестокость отца меня не страшит! Больше всего страшно не знать материнской любви... – Чарльз прикрыл глаза, хотя бы на минуту представляя себя в объятиях своей матери. Он мечтал о тепле и нежности, которых ему всегда не хватало.

– Она тебя любит, Чарльз! – послышался тихий голос Джены из-за закрытой двери.

– Только ты мне об этом всегда говоришь, Джена! – поспешил ответить Чарльз, низко склонив голову, – она отвергает меня как чужого парнишку! Я для неё чужой человек!

– Не говори так! Мы все здесь забыли, что значит быть любимыми детьми! А наша мама... – Джена на несколько секунд замолчала, – её сердце давно закрыто для любви! Оно истерзано жестокостью и садизмом! А когда человек долгие годы не видит ничего иного, кроме издевательств и упрёков, то он закрывается от остальных и боится снова полюбить!

– Как думаешь... – на лице Чарльза проскочила грустная улыбка, – нам это наказание от Бога или жизненный опыт, наполненный лишь болью и страданием?

– Не знаю, Чарльз! Я не знаю!

Глава 2

Светское мероприятие, словно искрящийся бриллиант в темноте вечера, проходило в роскошном и дорогом ресторане Вашингтона.

В зале, словно в королевском дворце, за большим круглым столом, собрались все значимые влиятельные люди высшего общества. Во всяком случае, они себя таковыми считали. Их наряды и украшения говорили сами за себя. Дамы были в роскошных платьях, словно вышедших из сказки, с дорогими блестящими украшениями, которые переливались в свете свечей, как звезды на ночном небе. А мужчины красовались в строгих официальных смокингах, словно выкованных из черного бархата и отливающих блеском серебра.

Они были идеальны и непорочны, как куклы из дорогих бутиков, но под этим фасадом скрывалась пустота и холод. Они играли свои роли на публике, словно актеры на сцене, но за маской улыбок скрывались их истинные лица, искаженные гордыней и бессердечностью.

На публике, перед уважаемыми людьми, Брукс будто бы боготворил свою семью. Он всем рассказывал, как дружно порой проходят их совместные вечера. Он даже мог на публику поцеловать свою жену в щечку. Но этот поцелуй – сколько жестокости он за собой скрывал, сколько за ним скрывалось боли и отчаяния. Это был поцелуй ложный, поцелуй фальшивый, который ничего не значил для него.

Рядом с Бруксом, словно тень, расположился его старший сын, Эдвард. Он был высоким и статным мужчиной с темными волосами, которые были чуть отросшими, и пронзительными серыми глазами. В них была скрыта глубокая печаль, но в то же время и нескрываемая амбиция.

Его лицо было строгим, но не жёстким, и в нем была некая недосказанность, как будто он хранил в себе не только секреты своего прошлого, но и тайные мечты о будущем.

Сейчас Эдвард сам занимал высокую должность в Министерстве Юстиции, но это лишь только благодаря отцу. Брукс проложил ему дорогу к власти, как строитель прокладывает дорогу через джунгли, но никогда не давал ему почувствовать настоящую свободу.

Эдвард, наверное, был единственным, к кому Брукс относился не с такой жестокостью. Он видел в нём своё отражение, своего наследника, и хотел передать ему все свою власть и богатство, но никогда не давал ему почувствовать настоящую любовь. Эдвард был внешне похож на него. У них были одинаковые резкие черты лица, одинаковый взгляд, и даже голоса их были похожи.

Но Эдвард, хоть и скрытно, но тоже успел возненавидеть отца. Он видел его истинное лицо, видел его бессердечность и жестокость, и это вызывало в нем отвращение и ненависть.

Но только он, в отличие от той же Джены, никогда не показывал к нему неприязни, стараясь во всем угодить. Он понимал, что ему нужно быть ближе к отцу, чтобы добиться того, чего он хотел. Он использовал свое послушание как орудие для достижения своих целей. Но в его сердце горела неугасимая жажда мести. Он мечтал о том дне, когда сможет сбросить с себя оковы отцовской власти и стать настоящим хозяином своей жизни. Он мечтал о том, чтобы оправдать свою ненависть, оправдать свою ложь, и стать тем, кем он всегда мечтал быть.

Вдруг Брукс заметил перед собой интересного мужчину, который несомненно привлёк его внимание. Это был статный мужчина с ростом выше среднего, с ровно уложенными чёрными волосами, которые отражали блеск свечей, и маленькими карими глазами, которые внимательно сканировали всех окружающих, словно пытаясь разгадать их тайны.

У него был строгий, но не жесткий профиль лица, с четкими чертами, которые говорили о его силе характера и уверенности в себе. Он был одет в строгий костюм чёрного цвета, который подчеркивал его фигуру и делал его ещё более импозантным.

– Знаешь, кто это? – спросил Брукс шепотом, наклонившись к своему сыну.

– Это Джозеф Гилл! – с напряжением ответил Эдвард, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Кто он? – спросил Брукс, с нескрываемым интересом в голосе.

– Инспектор.... – начал говорить Эдвард, но Брукс его перебил.

– Бюро расследований? – приятно удивился Брукс. Он почувствовал, как в его жилах заиграла кровь. Он любил власть, и люди из Бюро были для него ключом к ней.

– Именно! Гилл значимая фигура! – продолжал говорить Эдвард, – говорят, он с большой вероятностью может в недалёком будущем занять пост Директора Бюро!

– Глупости, – усмехнулся Брукс, – чтобы стать директором ФБР – мало быть просто значимым человеком, нужно иметь огромную власть в руках и искусно добиться доверия Президента! – он откинулся на спинку стула и с высокой гордостью в голосе продолжил, – я знаю всех этих "великих людей". Они не более чем куклы в руках тех, кто настоящая сила. И только я знаю, как работает настоящая власть! – Брукс тут же немного подался вперёд, взял в руки фужер с дорогим шампанским и с огоньком в глазах ещё раз глянул на инспектора ФБР, – мистер Гилл! – почтительно, но с нескрываемой иронией обратился он к нему, чем привлёк внимание остальных персон, – как неожиданно увидеть вас здесь. Скажите честно, что вас привело к нашему столу? Как мне известно, ваш график обычно несовместим с нашими интересами, – Брукс посмеялся и сделал глоток шампанского, ожидая какой-то бурной реакции Гилла, но тот, слегка улыбнувшись, поднял голову и оценивающе посмотрел на него.

– Не буду скрывать, мистер Брукс! – чётко отвечал Гилл, с нежной улыбкой на губах, которая делала его ещё более опасным. Он осмотрел всех сидящих своим пронзительным взглядом, словно хотел прочесть их мысли, – такие светские мероприятия – отличное место для скрытых договорённостей и взаимопомощи! Но вам об этом лучше знать, не так ли? – после его слов некоторые господа позволили себе посмеяться. Это была не просто вежливая улыбка, это был насмешливый взгляд, который унижал Брукса и делал его уязвимым.

Это ударило по самолюбию Брукса. Он понял, что Гилл намекает на его причастность к скрытым махинациям в политике. Он почувствовал, как кровь прилила к лицу, и он сильно сжал кулаки под столом.

– Что ж! ФБР, как и всегда, проникнуты к людям с необоснованными подозрениями, – выдавил из себя улыбку Брукс, стараясь сдержать свой гнев. Он чувствовал себя загнанным в ловушку. Он пытался перевести разговор в шутку, но в его голосе звучала явная неуверенность. Он понимал, что Гилл пришёл сюда не просто так.

– Многие политики утонули в своих политических интригах и коррупции. ФБР старается не пропускать такое мимо себя! – продолжал уверенно отвечать Гилл, чем вызывал у Брукса только раздражение и злость, – мы здесь как своеобразное напоминание, что никто не останется безнаказанным, если однажды решит перейти черту дозволенного!

– Ваши слова звучат, как блеф, мистер Гилл! – старался не потерять собственного достоинства Брукс, – вы словно пытаетесь запугать нас бедолаг! Нас, матёрых и профессиональных политиков, которые служат своему государству верой и правдой!

– Не переживайте так, мистер Брукс! Кто служит верой и правдой, а кто злоупотребляет властью ради личной выгоды – это, поверьте, уже наша работа! Я буду стоять на страже правого суда и порядка, даже если придется когда-то встретиться со злом лицом к лицу!

– Щенок! – с неприязнью пробормотал себе это под нос Брукс. В его взгляде была нескрываемая ненависть, словно он увидел перед собой не человека, а своего врага. Он ощущал себя разоблаченным, как будто Гилл прочитал его мысли.

Гилл плавно перевёл свой взгляд, который тут же зацепился за Джону. Он не мог не обратить своего внимания на это милейшее создание, что сидело чуть в стороне от Брукса. Джона была одета в красивое нежное платье бледно-голубого цвета, которое подчеркивало ее хрупкость и невинность. Её шёлковые волосы, словно струящийся водопад, распались на ее хрупких плечах, а глаза были темными и глубокими, как ночное небо. В них скрывалась тайна, которая манила и пугала одновременно.

– Кто это? – спросил Гилл у своей правой руки, агента Эдгара. Эдгар был высоким и крепким мужчиной с короткими светлыми волосами и жестким лицом, которое выражало

только преданность и послушание. Он был тем человеком, который мог исполнить любой приказ Гилла, не задавая лишних вопросов. В этом и заключалась его значимость. Преданность и сила – вот чем обладал Эдгар.

– Это Джена! – быстро, но чётко ответил Эдгар, – дочь мистера Брукса!

Гилл вновь посмотрел на нее своим орлиным взглядом, способным увидеть даже самые скрытые тайны. На какое-то мгновение Джена и Джозеф пересеклись взглядами. Джозеф почтительно ей улыбнулся, на что Джена отреагировала скромной улыбкой.

– Она красива! – с очарованием проговорил Джозеф, – даже очень красива! Но эти глаза почему-то говорят о грусти!

Но вдруг орлиный и цепкий взгляд Джозефа заметил на запястьях Джены слегка видимые синяки, которые она пыталась скрыть рукавами своего платья. Они были неярко, словно бледные отпечатки пальцев, но Джозеф увидел их.

Немного проанализировав увиденное, Гилл с ненавистью глянул на Брукса, который в это время с кем-то беседовал. Гилл был достаточно опытным и матерым агентом, который умел замечать такие детали, которые были скрыты от глаз простых людей. Он видел сквозь поверхность, видел истину, скрытую под маской благополучия. В его голове проскользнула мысль, что Брукс далеко не ангел во плоти, что за его внешней силой скрывается темная тайна, но сейчас его больше интересовала Джена.

По окончании всего мероприятия, когда уже гости постепенно стали расходиться, Джозеф пересекся с Дженой возле гардероба. Он видел, как она стоит одна, окруженная шумом и суетой, но при этом ощущая себя беспомощной и одинокой. Эдвард помогал ей надеть легкое весеннее пальто, так как вечера были ещё достаточно холодными.

Джозеф, почтительно качнул головой в знак уважения к Эдварду, подошёл молча к Джене и взял её нежную руку. От его прикосновения Джена невольно дрогнула. И он это сам ощутил. Он почувствовал дрожь в ее руке, как дрожь хрупкого стекла от нежного дуновения ветра. Но дрогнула она не только потому, что его манеры и движения были нежны, а потому, что он случайно коснулся синяков на запястье. Он почувствовал их под ее тонкой кожей, словно невидимые шрамы от болезненного прошлого.

– Мисс! – восхищенно произнес Гилл и поцеловал ее руку в знак уважения. Он не хотел её пугать, не хотел усугублять её страдания, но он не мог не выразить свое восхищение её красотой и нежностью. Все это действие произошло достаточно быстро, но даже за столь короткое время Гилл успел оценить синяки и ссадины на этих нежных ручках. Он не мог не видеть их, он видел их так же чётко, как и красоту её лица. Но ничего не сказав, он только улыбнулся и направился к выходу.

Вернувшись со своей семьей уже поздно вечером, Брукс вошёл в просторную спальню, оформленную в классическом стиле, со светлыми текстильными обоями, дорогими резными мебельными элементами и массивной кроватью, украшенной изысканными декоративными подушками.

Отразившись в громоздком антикварном зеркале, он начал развязывать галстук, отрывая его без всякой тоски, и снял с руки символ своего статуса – наручные часы, бросив их безразлично на столик рядом.

– Щенок! – продолжал негодовать Брукс, вспоминая свою встречу с Гиллом, – он меня унизил! Можно сказать, растоптал! Не прощу!

Он зверски улыбнулся и в упоении смотрел на своё отражение в зеркале.

– Он будет глотать грязь, он слетит с должности... Я тут власть!

В это мгновение в спальню устало вошла Хелен, её светлое платье отливало слабыми отражениями ламп. Заметив её, Брукс тут же перевёл своё внимание на испуганную жену.

– Милая! – дьявольски проговорил он и приблизился к ней, – как ты себя чувствуешь? – эти слова ещё больше напугали Хелен, и её глаза вмиг наполнились слезами.

– Всё в порядке! – почти шепотом произнесла она.

– Ты уверена? – усмехнулся Брукс, – знаешь, что я заметил? Сегодня весь вечер на тебя пялился один мужик! Мой хороший друг, но такой бабник!

– Я ничего не заметила!

– Правда? – Брукс резко схватил жену за руку и подтащил её к себе, – а кто ему мило улыбался в ответ? – он все жестче сжимал её руку.

– Отпусти, мне больно!

– Больно? Больно мне видеть, как моя жена хихикает с другим! – после этого он вцепился своими руками в шиворот её платья и отшвырнул её с собой со свирепостью в другую часть комнаты.

Глава 3

Это был тёплый летний день. Солнце щедро лило свои лучи на Вашингтон, окутывая город в золотистое сияние.

Джена выходила из здания библиотеки Конгресса, куда она иногда ходила, чтобы отвлечь себя интересными романами и историями. Возможность перенестись в мир литературы – было её единственным спасением, хоть на миг забыть об этом жестоком мире, в котором она оказалась заложницей.

Выходя, она случайно столкнулась с неизвестным мужчиной, которого не заметила, так как находилась в собственных мыслях. Ее взор был устремлен вдаль, ее душа была в другом месте, в мире книг и фантазий.

– Простите меня, сэр! – начала с волнением извиняться Джена, – я ужасно невнимательная!

– Ничего страшного! – этот мужской голос показался ей знакомым. И она, подняв свои красивые глаза, увидела перед собой Джозефа Гилла. Он стоял весь такой красивый: с сосредоточенным лицом, в роскошном темно-синем костюме, который подчеркивал его фигуру и силу.

– Это вы? – с замиранием на душе спросила Джена.

– Да! – почтительно ответил Гилл. Он тут же взял руку Джены, чтобы поцеловать, но она заметно дрогнула и немного прикрыла глаза, – что такое? – с переживанием спросил он, потом развернул её руку и осмотрел свежие темные синяки. Он вопросительно глянул на неё, словно думая, что же она скажет на это.

– Ударилась! – робко улыбнулась Джена.

– Бывает! – качнул головой Гилл и с нежностью поцеловал её руку.

– Было очень неожиданно увидеть вас здесь, сэр!

– Я всегда там, где вы хотите меня видеть, мисс! – Гилл взглянул на неё своим орлиным взглядом, а потом слегка улыбнулся, – всего хорошего! – он направился прочь, но почувствовал, как Джена проводила его своим взглядом. С момента их первой встречи на том самом вечере прошло несколько месяцев. На руках Джены всё также были синяки. Это были свежие гематомы и бледные пятна, которые она пыталась скрыть от всех. Подозрения Гилла начинали подтверждаться.

"Я всегда там, где вы хотите меня видеть!" – эти слова напрочно засели в голове Джены, словно загадочный шёпот, который не давал ей спокойствия. Она чувствовала, что в них скрывается явный глубокий смысл, но не могла его разгадать. Она перебирала в своей голове каждую деталь их краткой встречи, каждую интонацию его голоса, каждый взгляд его глаз. Она думала об этом даже тогда, когда сидела вместе с семьей за обеденным столом.

Огромный стол из темного дерева был накрыт белой скатертью, а на нем стояли изящные вазы с цветами. Но всё это великолепие не приносило Джене радости. Она чувствовала себя как пленница в золотой клетке, окруженная роскошью, но лишенная свободы.

Хелен с поникшим лицом сидела напротив, ее голубые глаза были затуманены грустью. Она пыталась сохранять видимость спокойствия, но её дрожащие руки выдавали её настоящее состояние. Она была как цветок, который завял от недостатка любви и заботы.

Чарльз ковырял вилкой в тарелке, создавая иллюзию того, что у него есть аппетит. Но он был лишь тенью своего «Я», потерянным и беспомощным. Он не мог ничего сделать, чтобы изменить свою судьбу, он был просто пешкой в этой жестокой игре.

Брукс, как и всегда, сидел на своем месте, с аппетитом поедая вкусный салат. За обеденным столом царил тишина, нарушаемая лишь шумом вилок, которые стучали по тарелкам. Но за этой видимой гармонией скрывалась глубокая трещина, которая могла разрушить их семью в любой момент.

– Папа! – вдруг раздался голос Эдварда, который спустя несколько секунд появился в столовой. Брукс медленно поднял свою голову, его взгляд был холодным и непроницаемым, как ледяная вода, – почему я только сейчас узнаю совсем от других людей, что меня ждет помолвка неизвестно с кем? – спросил Эдвард, его голос дрожал от злости и недоумения.

– Ты смеешь повышать на меня голос? – Брукс вскочил со своего места, его лицо покраснело от ярости. Эдвард нервно сглотнул и побледнел. Он чувствовал себя как мышь, которую поймал кот.

– Нет, просто я...немного растерян! Прости! – Эдвард пытался сгладить ситуацию, но он знал, что его слова ровным счётом ничего не изменят.

– Ширли Одли – хорошая девушка, она тебе понравится! Но самое главное, что она – дочь заместителя Генерального прокурора, понимаешь? Она как-то увидела тебя на каком-то мероприятии, ты ей приглянулся! Ширли – единственная и любимая дочурка у мистера Одли! И поверь, он выполнит любую ее прихоть, пусть даже это будет звезда с неба! – Брукс говорил спокойно, но в его глазах блестел холодный расчет. Он вновь присел обратно, откинув от себя белоснежную салфетку.

– Но я её совершенно не знаю! – Эдвард чувствовал себя запертым в ловушке.

– Вот на помолвке и познакомишься! Есть ли дело, кто тебе детей родит? – Брукс усмехнулся.

– Да, есть! – Эдвард почувствовал безнадежность, он был бессилен перед властью своего отца.

– Если ты сейчас хоть что-то скажешь про любовь, взаимную симпатию – я тебя изничтожу! – Брукс взорвался от ярости. Эдвард с ненавистью глянул на отца, а потом перевел свой взгляд на Джину. Он видел в ее глазах сочувствие и сострадание, – сначала проведем помолвку, ты женишься, а потом уже можно будет подумать о замужестве Джены! – Брукс с довольной ухмылкой посмотрел на дочь, его глаза заблестели от триумфа. Он представлял себе великолепную церемонию, на которой его сын будет обручен с дочерью заместителя Генерального прокурора, это был бы отличный шаг вперед в его карьере.

Но увидев, что Джина его даже не слушает, он пришел в ярость и ударил рукой по столу.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! – его голос был хриплым от злости, он не терпел неповиновения. Джина, пытаясь сдерживать себя в руках, с безразличием посмотрела на отца.

Она устала от его тирании, она хотела бежать из этого дома, от этой семьи, от этой жизни. Ее сердце было разбито на кусочки, но она упорно пыталась сохранять видимость спокойствия. Она не хотела давать ему удовольствие видеть её слезы, она не хотела давать ему власть над её душой.

Глава 4

Вашингтон, 1916 год.

Война бушевала в Европе, заставляя нервничать даже самые стойкие сердца. Но и в тихом омуте американской политики кипели страсти. Молодое Бюро Расследований, едва успевшее заявить о себе, столкнулось с волной публичного недоверия.

Некий историк, окутанный тайной, бросил тень на репутацию Бюро. Он утверждал, что внутри организации царит коррупция, а самые верные агенты, возможно, поддерживают связь с Тройственным Союзом. В мире, где война разрывала жизни на части, а шпионы скрывались в тени, подобные упреки звучали особенно зловеще.

Джозеф Гилл, неизменно хладнокровный и проницательный, не мог позволить себе игнорировать такую яростную атаку. Он понимал, что источник этого недоверия кроется либо в стенах Конгресса, где всегда бродили политические интриги, либо в Государственном департаменте, где каждый шаг Бюро вызывал недоверие.

Не теряя ни секунды, Гилл отдал приказ о начале активных действий. Бюро, словно охотник, отслеживающий добычу, начало свою охоту на потенциальные угрозы. Агенты, оснащенные остроумием и талантом маскировки, проводили рейды на немецких промышленников и интеллигенцию, собирая информацию, чтобы предотвратить шпионаж и саботаж. Под влияние этих рейдов попадали и обычные граждане, и высокопоставленные особые лица. Вся страна была охвачена волной тревоги, а Бюро тем временем становилось щитом, защищающим Америку от невидимого врага.

Брукс, сгорая от нетерпения, следил за каждым движением Конгресса, который с нескрываемым напряжением взирал на Бюро.

В его самых смелых фантазиях Гилл терпел крах, но эти мечты были лишь бледным отражением жестокой реальности. С каждым новым рейдом среди политической элиты, организованным по указу Гилла, в сердце Брукса росла горькая ненависть.

Тем временем, Эдвард связал себя узами брака с дочерью заместителя Генерального прокурора, и это событие стало настоящим торжеством великолепия. Сотни влиятельных личностей собрались в роскошном особняке мистера Одли, чтобы отпраздновать новый брачный союз.

Гилл тоже был там, но его внимание было приковано не к пышности торжества, а к Джене. За месяцы, прошедшие с их последней встречи, Джозеф осознал неотвратимое – он был влюблен. Его чувства к Джене были так же могучи, как буря в океане, так же глубоки, как самые таинственные уголки вселенной. Он был готов перевернуть мир ради неё, лишь бы видеть её счастливой.

Внезапно Джозеф потерял Джену из виду. Вокруг кипела ликующая толпа, упиваясь роскошью и праздными беседами. Эти люди, ослепленные богатством и властью, будто не замечали теней войны, сгушавшихся над миром. Прокладывая себе путь сквозь толпу, Джозеф ловил обрывки фраз о политических интригах и финансовых сделках.

Он нашёл Джену в тишине мрачноватой гостиной. Девушка стояла у окна, словно застывший силуэт на фоне ночного неба, и её взгляд, полный печали, терялся в пустоте. В глубине её души шевелился страх, леденящий и тягучий, как смола. Страх перед тем днём, когда ей придется связать свою жизнь с нелюбимым, пожертвовав счастьем ради чужих амбиций.

– Джена! – прошептал Джозеф, нарушая тишину комнаты. Впервые, отбросив прочь условности высшего света, он обратился к ней просто по имени. Джена вздрогнула, услышав его голос. Казалось, он пронзил её одиночество, как луч света в крошечной тьме. Лишь дважды судьба сталкивала их пути, но эти встречи стали для Джены ярчайшими искрами в серости ее жизни.

– Мистер Гилл! – совсем тихо проговорила Джена и повернулась к нему. Её голос был едва слышен. Джозеф подошел как можно ближе и посмотрел на это грустное миловидное

лицо. Губы Джены были бледны, словно в ней не было жизни. Её глаза были тусклыми и печальными, словно отражали глубину ее безысходности.

Сама же Джена понимала, что Гилл обо всем догадывается, но просто не может сказать об этом прямыми словами. Её сердце было разбито, и она боялась признаться даже себе, что ей нужна помощь. Она была как птица в клетке, запертая в своей собственной безнадежности.

Гилл взял ее руки, на которых были видны свежие синяки на запястьях и локтях.

– Как часто он избивает тебя? – спросил Джозеф. Джена не смогла выдать ни слова, только слезы заструились из ее глаз. И в жилах Джозефа закипала кровь при виде ее глубоких глаз, полных боли и слез.

Джозеф слегка обнял Джену, желая успокоить её и дать понять, что рядом с ним ей ничего не угрожает. Он невольно втянул носом опьяняющий аромат её волос, который навсегда запечатлелся в его памяти.

Неожиданно взгляд Джозефа скользнул по лицу Джены, и он осторожно опустил бретельки платья, обнажая её хрупкие плечи. Джена смотрела на него с недоумением, но Гилл излучал уверенность человека, знающего, что он делает. Его поступок противоречил всем нормам благопристойности, ведь ни один мужчина не смел видеть тело незамужней девушки, но, казалось, Гиллу было всё равно.

На нежной коже Джены виднелись кровоподтеки – следы жестокости и бесчеловечности Брукса. Увидев их, Гилл резко выдохнул.

– Я готов пристрелить его прямо сейчас! – прошептал он, обуреваемый непреодолимым желанием отомстить Бруксу. Но затем он встретился взглядом с несчастными глазами Джены, и его гнев немного утих. Джозеф наклонился и нежно поцеловал Джену в шею.

В этот момент в комнату неожиданно ворвался Чарльз, пристально уставившись на свою сестру.

Джена посмотрела на Чарльза и медленно натянула бретельки от платья снова на свои плечи. Ее движения были медленными и неуверенными, словно она боялась нарушить хрупкую тишину, которая висела в воздухе. Джозеф, повернувшись, молча и серьезно посмотрел на Чарльза, не говоря при этом ни слова. Его взгляд был пронизательным и неумолимым, словно он проникал в самую глубину души. Он чуть отошел в сторону от Джены, чтобы не выставить её в глупом положении перед братом.

– Что ты тут делаешь? – с непониманием спросил Чарльз, обратившись к Джене. Он был сбит с толку, он не мог понять, что происходит.

– Ничего такого! – с небольшой растерянностью ответила Джена. Джозеф увидел, как на ее щеках проступил небольшой румянец. И это вызвало на его лице приятную улыбку. Он не мог не заметить красоту ее лица, освещенного нежным румянцем. После этого Гилл, поправив свой костюм, направился к выходу. Он спокойно миновал Чарльза, поймав на себе его недоверчивый взгляд.

– Мне показалось, или он поцеловал тебя? – с ошеломлением спросил Чарльз, подойдя к сестре.

– Тебе показалось! – ещё смущаясь, отвечала Джена.

– Он что, оголил твои плечи? – с недоумением спрашивал он.

– Чарльз! – Джена взяла его за руку, словно хотела прекратить этот бессмысленный разговор.

– Я видел! – настаивал Чарльз.

– Послушай! Мистер Гилл, возможно, единственный человек, который знает, что нам приходится терпеть в стенах нашего дома! – ее голос дрожал, она была на грани слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.